

СИЯЮЩЕЕ КРУЖЕВО МИРА

ТЕКСТ Наталья Эскина
ФОТО из архива Полины Горецкой

СОВЕРШЕННО
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ
ПОСЕЩЕНИЯ МАСТЕРСКОЙ
ПОЛИНЫ ГОРЕЦКОЙ –
СНАЧАЛА В РИФМУ, А ПОТОМ
И ПРОЗОЙ.

О неумолимый истории ход!
– Ты кто? Музыкант? Музыканта – в расход!
– Да нет, я завлит, то есть музыковед.
– Тем более! Музыковеда – в кювет!

Карьера умчалась, с пронзительным свистом
Вперёд унеслась на колесах Фортуна.
Но вот удивительно: два станковиста –
Художников пара, сравнительно юных,

Не дали пропасть не у дел, то бишь вскую –
Зазвали собрата к себе в мастерскую.
В глазах окружающих автор неглуп.
Быть может, напишет статью в «Леди-клуб»?

Вздыхает завистливо бывший завлит:
Он толком не знает, где тут оргалит,
Зависят ли формы мазка от холста.
Сидит пред картиной, сомкнувши уста.

Её угощает художник Полина:
Вот в пышном цветеньи калина-малина,
Вот кружком белым осыпанный сад,
Вот розовой розой – натурщицы зад.

А вот зарождение гендерной драмы:
На диптихе две знаменитые дамы.
Налево – запомните, русские детки, –
Немецкая Клара, сиречь Клара Цеткин.

Направо – еврейско-немецкая Роза.
Привычный читатель ждёт рифмы: «мороза»?
Ждут рифмы Самара, Москва, Петербург –
Цирроза? Склероза? Нет-нет, Люксембург!

Ну-ну... Люксембург... Маловато, однако –
Не лучше ли Бельгия вкупе с Монако?
Достойны картины Полины Горецкой,
Чтоб ей предоставили берег турецкий!

Берегитесь, любезные читательницы! В таком духе можно
рифмовать километрами. Но разбушевавшийся автор наконец
выял Музе Самокритики и унял Музу Поэзии. Разогнал облако
метафор и ассоциаций, так и реющих вокруг белокурой голов-
ки Полины. Реющих кем? или чем? Лёгким лепестком со своих
цветочных натюрмортов, синеглазой Эвридикой из любимой

записи «Орфея и Эвридики» (режиссёр Жан-Пьер Поннель, 1978 г.), летучим лучиком, залетевшим, видно, с Олимпа... Я об этом почему пишу? Чтобы оправдаться перед нелюбителями поэзии за целых 32 рифмованных строчки? Чтобы охарактеризовать поэтическую летучесть внешнего облика художницы? Нет, нет и нет. Дело в другом.

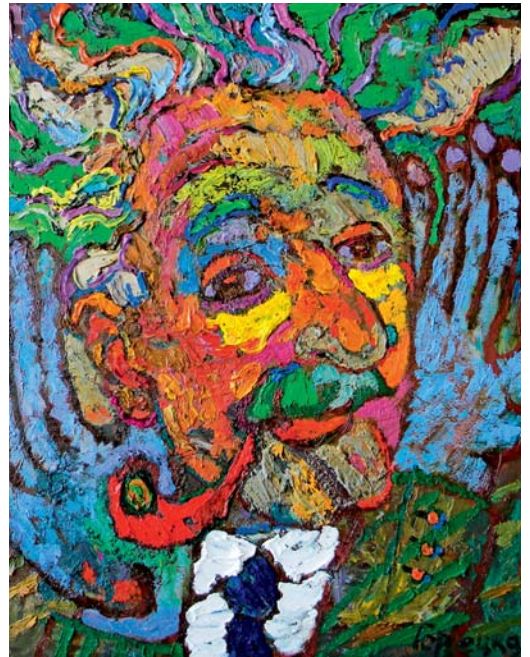
Всегда бывает интересно сравнить: вот художник, а вот его создания. То ли внешность художника – отражение его живописи. То ли живопись художника – его автопортрет (даже если на картине – букет цветов, опушка леса или стадо, в закатных лучах бредущее с пастбища). И Ван Гог, значит, с его сумасшедшими подсолнухами, и Шишкин с его строевым лесом, и Констан Тройон с коровами и сторожевыми собаками – не подсолнечные соцветия это, не стволы сосен и не пятна на коровьих боках. Это душа художника, таинственным образом перетекающая во внешние формы. Ну да, известно же: дух формирует бытие. А бытие? Скрывает жизнь духа.

Дух сжигает бытие в пламени цвета.

Вот ведь удивительно: абсолютно русская живопись – и абсолютно немецкое отношение к цвету! Как это читается: пламенные вспышки контрастных языков пламени, как у Ван Донгена. Альберт Эйнштейн – фантастическое разноцветное пламя, неизвестная космическая энергия искривляет завитки волос, вселенской радугой оседает на всем известных чертах лица ученого.

Блики, вспышки энергии, отсветы волшебного костра!

Что за костёр? Всё о нём – в любимой немецкой книжке «Märchen von den Hügeln» – «Сказки Пригорья» писательницы Вальтраут Левин. (Так я себе

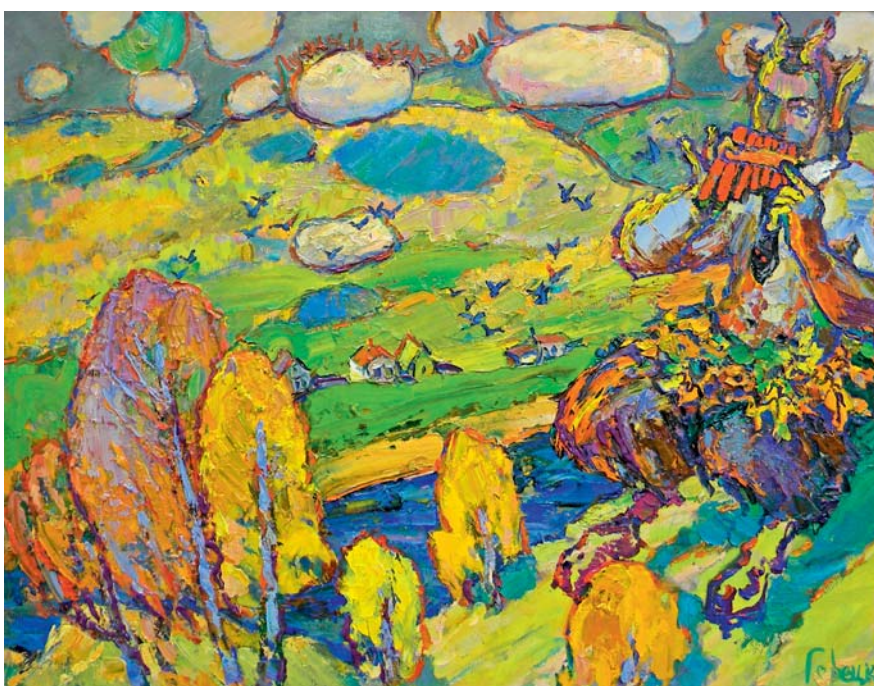
позволила перевести, поскольку по-русски книга мне не встречалась.) В этой волшебной романтической сказке как раз такой возжигают. Выходит престарелый волшебник в сад. Сгребает сухие октябрьские листья. Оглядывается – никто его манипуляций не должен заметить, он свою волшебную сущность не афиширует. И подливает в костёр жидкость из флакона. Костёр вспыхивает невиданной радугой цвета, выпускает малиновые, зелёные, фиолетовые протуберанцы. Вот, например, как на палитре художницы.

В детстве вычитала где-то: «суггестивная роль цвета». Про что это было сказано? Про кого? Наверное, про Гогена. Тогда я это поняла очень приблизительно. Потом, имея счастье работать в Академии культуры с прекрасным самарским художником и искусствоведом Владимиром Булековым, наконец уяснила себе кое-что про цвет. (Булеков преподавал и в Самарском художественном училище, и его влияние на выпускников училища, в том числе и на Полину, ясно ощущается). Владимир Максимович и в лекциях своих про это говорил, и просто на моих глазах в мастерской работал над своими картинами – было видно, что цвет поёт, создаёт гармонию, нечто вроде аккорда, выражает мысль художника. Цвет, а не сюжет. Белый блик. Жемчужный перелив цвета. Сияние или суровая тьма. Просто букет цветов, просто лошадь или корова – о чём это? А то и беспредметная живопись – тут уж совсем не надо высматривать в картине содержание, сюжет, нравоучение, похожесть на предметы реального мира.

Поэтому, наверное, всегда так притягателен сам вид палитры, так много говорит он про какие-то подсознательные вещи. Вот, например.

Чем-то нам очень импонирует эта толстая золотая змея, через карту неведомого материка пробирающаяся к синеве безвестного океана.

Макая кисть в это радостное золото, используя фона эту ликующую лазурь, хорошо, наверное, Благовещение писать – так фра Бе-

ато Анжелико конкретизировал свои лазурно-золотые двузвучия. Полтысячелетия назад. С тех пор для того, чтобы писать Икону Мира, обязательно вырисовывать нежный профиль девы Марии и золотые крылья ангела. Вот у Полины Горетской, например, в «Предчувствии весны»: никакого архангела Гавриила. Просто пасущаяся белая лошадка. Золотая невинность ангела и Богоматери трансформировалась в золотистую наготу натурщицы. Лазурь небес собрана в букет и украсила стол...

Живопись – искусство, обращённое к самому себе, картина пишется про счастье сочетания золота и синевы. А не про то, что по Волге катерок мчится.

Про вспыхивающее, как рана, красное пятно в середине картины – кто и чем рассёк до крови плоть мира, кто нанес бытию кровавую рану? Жалко нам его, это окровавленное бытие? Не жалко, уж очень красивы эти яркие вспышки цвета, это сияющее кружево мира...